

## **ФРОНТОВЫЕ БУДНИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

В новейших исследованиях Великой Отечественной войны с целью расширения глобальной картины войны и понимания психологии человека воюющего изучаются источники личного происхождения. Мемуары фронтовиков о Великой Отечественной войне и материалы устной истории наряду с другими источниками личного происхождения играют настолько важную роль в общественно-политической и литературной жизни своего времени, что представляют вполне самостоятельный историко-культурный интерес. Исследование воспоминаний людей фронтового поколения расширяет границы изучения войны, переносит акценты с фактической стороны явления в плоскость личного восприятия, формирования психологии фронтовиков. Особенности индивидуального восприятия непосредственных участников и очевидцев войны призваны дополнить имеющиеся знания, расставить акценты в истории Великой Отечественной войны. Ценность мемуаров для исторической науки определяется их конкретностью, способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал. Но субъективность мемуаров и материалов устной истории осложняет работу исследователя, поэтому мемуары рассматриваются в российском (советском) источниковедении как дополнительный источник.

К источникам личного происхождения по истории войны относятся и дневники очевидцев событий, которые как исторический источник весьма схожи с мемуарами, ряд исследователей даже ставят между ними знак равенства. Однако они имеют существенные различия.

Дневник – это подневные записи одного лица или коллектива, ведущиеся синхронно событиям их жизни. Внешняя, но обязательная примета дневников – обозначение дат. Реальные дневники могут рассматриваться как род исторических, историко-биографических или историко-культурных документов. То есть дневник ведется во время событий, благодаря чему является более точным источником, чем воспоминания. Особую ценность представляют дневниковые записи, изданные практически без редактуры и правки, – они позволяют проследить виденье событий автором тогда, когда они происходили, а не через определенное количество лет. Однако дневники имеют и некоторые недостатки, в частности краткость изложения. Это вызвано многими факторами – недостатком времени, а порой и нехваткой письменных принадлежностей [1, с. 36].

Еще одним важным источником личного происхождения являются письма солдат-фронтовиков, адресованные родным и близким. В этих письмах они делятся событиями и переживаниями, волнующими их в данный момент, рассказывают о своей жизни и достижениях на фронтах.

При работе с письмами необходимо учитывать некоторые особенности этого своеобразного вида источников. Основным недостатком фронтовых писем как исторического источника является их сжатость, вызванная зачастую недостатком бумаги или свободного времени. Не стоит сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор, как действие военной цензуры. Проверке подвергались абсолютно все письма, идущие с фронта. Эти действия были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл. Военные письма имеют колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, на долю которого выпала такая страшная беда.

Именно источники личного происхождения позволяют раскрывать фронтовые будни участников войны. Взгляд человека-свидетеля, несмотря на присущий ему субъективизм, всегда интересен и в не меньшей степени, а порой даже и в большей, информативен, нежели официальные источники. На основе анализа солдатских писем и дневников, отложившихся в фонде 6002 (фонд-коллекция) Оренбургского государственного архива социально-политической истории (ОГАСПИ), опубликованных писем, воспоминаний фронтовиков и материалов интервью с участниками войны (материалов устной истории), собранных студентами исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета и автором лично в течение почти 20 лет, попытаемся воссоздать повседневную жизнь солдат на фронте.

Моральный дух войск и их боеспособность во многом зависят от качества быта и его организации. Фронтальная повседневность у каждого солдата была своя. Условия, в которых солдатам приходилось восстанавливать силы, спать, принимать пищу, приводить в порядок личное оружие, были весьма разнообразны. Зависели они от времени года и климатических условий, от принадлежности к тому или иному роду войск, к рядовому или командному составу, от близости к переднему краю. Как писала фронтовой поэт Юлия Друнина: «Но по-другому было на войне – / Не в третьем эшелоне, а в огне» [2, с. 124]. Существенно отличался военный быт в период наступления, обороны, отступления.

В воспоминаниях широко отражена картина жилищных условий на фронте. Солдат на фронте устраивался там, куда его определяла война. Нельзя думать, что во время войны все бойцы жили в окопах и землянках: «Сырой окоп – солдатская постель, / А одеяло – волглая шинель» [2, с. 124], иногда солдатам и офицерам доводилось спать в добротных деревенских домах с непременно баней, а то и вовсе, зарывшись в стог сена, отсыпаться по несколько суток, иногда приходилось спать на снегу, «автомат пристроив в головах» [2, с. 58]. «Укрывались шинелью и плащ-палаткой. Зимой накроешь ячейку плащ-палаткой и сидишь, так и спали» [3]. «Если приходится спать в снегу, то спим не больше одного часа, затем дежурные нас будят. Еще сонные мы вскакиваем и греемся, кто как может, иногда

разводим костры и вновь ложимся в вырытые снежные ямы», – пишет в своем дневнике пехотинец В. Лобанов [4, с. 98]. Буяновская А. Г., служившая в военной цензуре 51-й Отдельной армии (сформированной летом 1941 г. в Симферополе), потом в особом отделе НКГБ и в «Смерше» этой же армии вспоминает: «Переправились через Керченский пролив на Таманский полуостров в октябре 1941 г. и пошли пешком по чернозему Краснодарского края до совхоза им. Ильича (10–12 км). Это уже октябрь, в полях не вся картошка убрана. Мы рыли ее, пекли и ели. И вот уже по пути в Темрюк (мы еще не обмундированы) туфли мои расквасились, грязь непролазная, по проселочной дороге не пройти, шли в основном по стерне. Стемнело, ночи там темные, ничего не видно, наткнулись на копну соломы. Вырыли в ней ямки, и ей же укрылись на ночь от дождя. Вот сидим в копне, и я вспомнила, что сегодня 13 октября – мне исполнилось 18 лет. Наконец-то добрались до Темрюка. И только здесь нам выдали шинели, гимнастерки, юбки, шапки и ботинки 42 размера с обмотками и портянками» [5]. Строки из дневника Пажитных Д.: «10 января 1942 г.: Ночуем в лесу. Подстилкой служат ветки елей. Быстро сделали несколько шалашей – спасают от ветра, мороза. 28 января 1942 г.: Лесов не стало, мороз чувствуется сильнее. Нам трудно, идем вперед. А гитлеровцы мерзнут, как воробьи» [6, д. 426, л. 187]. «Сейчас живем в лесу. Как только мы сюда приехали, так сразу принялись за постройку палаток из брезента и веток. Внутри них сделали невысокие нары из кольев и веток и сейчас живем довольно хорошо», – из письма 18-летнего Балахонова Константина Гавриловича родителям, 15 июля 1942 г. [7, с. 13].

Пехота вела окопную жизнь. Артиллеристы устраивали землянки и блиндажи, связисты устраивали жилища в траншеях, танкисты часто устраивались на ночлег в своих боевых машинах. Для многих солдат окоп становился чем-то вроде родного дома, который хотелось как-то обустроить.

Боец Н. Пospelов вспоминает: «Живем в более благоустроенной землянке с печкой. Топим так, что по ночам даже приходится открывать дверь. Компания собралась веселая, носов никто не вешает. Живем дружно: скандалим по всем международным и интимным вопросам». «Дождь, дождь, дождь ... Почти все землянки, даже с пятью накатами, протекают. На потолке крепятся плащ-палатки. Хочешь облить товарища – притронься к возникшему в палате пузырю, и оттуда обрушится целый поток холодной воды. Сначала промурлыкали музыку, которой накануне нас угостил радист Гуппер, потом пели песни, и наконец, пожелав спокойной ночи – заснули... А дождь лил и лил и проникал через все щели в землянку. Пришлось среди ночи вставать и прикреплять плащ-палатку к потолку. Прикрепили, легли и ... не успели еще заснуть, как затрещала главная балка и с грохотом обрушилась на нас вместе со всем потолком». В обустройстве землянки помогала солдатская смекалка. «Уже 8-й день живем в лесу, в землянках. Наша землянка без окна и поэтому приходится все время жечь коптилку. Печку сделали из огромной кастрюли, а трубу из консервных банок. Дров здесь много, так как лес большой...» [6, д. 426, л. 102, 104].

По воспоминаниям Буяновской А. Г., «Землянка внутри – это квадратное помещение, вырытое в земле. Посредине землянки – буржуйка, сбоку лежанки, на которых спали обитатели землянок. Стол для работы с чадающей день и ночь коптилкой – снарядная гильза, сплюснутая сверху, и туда вставлен кусок портянки, в гильзу налит керосин. Для меня они вырыли отдельную келью с такой же земляной лежанкой, т.к. я была одна среди мужчин. Под головой полевая сумка, шинель подо мной, и другой половиной шинели укрывалась, как научил меня старый солдат еще в 1941 г. Зима 1942 г. была холодная. Нам девушкам, как и всем, выдали ватные штаны. Ночью они мне служили подушечкой. Я свернула штаны квадратиком, на нее надела наволочку, сшитую из портянки, и было такое счастье – мягкая подушечка» [5].

«Траншея вырыта, ячейка, где стоишь, готова – вот и весь наш быт. Зимой накроешь ячейку плащ-палаткой и сидишь, укрываешься шинелью и спишь... Какие минуты отдыха могут быть на войне, когда в обороне сидишь. Но летом выходили солдаты гулять по траншее, сидели, курили и разговаривали. А зимой не выходили, потому что пригреешь свое место и сидишь» [3]. Если была возможность, бойцы утепляли свое жилище, оклеивали стены газетами, плакатами, прибивали палки и вешалки.

Важным слагаемым повседневной жизни фронтовиков является непременно обмундирование. Панкратов И. Д. пишет в письме: «В настоящее время одеты прекрасно. Нам выдано все теплое. Получил я теплую шапку-ушанку, валенные сапоги, меховой жилет, теплые брюки, свитер, теплые портянки, варежки...». Н. Куренков, командир стрелкового полка, пишет: «Прибыло зимнее обмундирование: валенки, полушубки, шапки-ушанки, теплые портянки, варежки, меховые жилеты. Словом, множество добра, которое приготовила Родина своим защитникам» [6, д. 423, л. 63; 6, д. 426, л. 204]. «До сих пор все время ждали сапог, но так и не дождались. Нам дали новые ботинки. Ботинки английские, кожаные, подошва кожаная в палец толщиной, подкованы на носке и на пятке. В общем хорошие. Махоркой снабжают аккуратно, но ее здесь некуда девать, отдаю ее курящим товарищам» [7, с.15]. «Сейчас зима, но она нам не страшна, мы хорошо одеты и обуты», – из письма 19-летнего Балахонова Константина Гавриловича, 15 января 1943 г. [7, с. 25]. Из его же письма: «Ты беспокоишься о том, как нам придется здесь прожить осень и зиму. Зимовать здесь не будем, и если придется, то не страшно. Дома срубили на мху теплые, почти полностью получили зимнее обмундирование: шапки, рукавицы, суконные портянки, теплое нижнее белье, теплые ватные брюки. Скоро должны дать шубы и валенки» (письмо от 15 октября 1944 г.) [7, с. 41]. Еще строки из его же письма от 8 ноября 1944 г. своим родным и близким: «Погода стоит хорошая. Снега еще нет, но шубы мы уже получили. Правда, они бывшие в употреблении, и вид в них довольно похабный, но зато тепло будет» [7, с. 45].

Суровыми были зимы. Это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из

очень хрупкого материала. Н. Пospelов вспоминает: «Было страшно холодно – в ряде случаев даже легкое ранение в ногу приводило к смертельному исходу: раненый замерзал, если помощь не приходила вовремя», «Набрякшая кровью повязка покрылась коркой льда. Своих ног, обутих в промокшие валенки, он не чувствовал. Одолевал сон, с которым нельзя было бороться. И виделись ему бескрайние оренбургские степи, напоенные звенящим зноем и горьковатым настоем полыни. Когда разведчика укладывали в волокушу, заиндевелая шинель ломалась и трещала, как мерзлое белье на веревке» [6, д. 426, л. 85].

Важной стороной военного быта является питание. Командир пулеметного взвода Д. Н. Патрин вспоминает: «Когда были в обороне, то лучше кормили, а когда в наступлении, не всегда полевая кухня за нами поспевала». Питание в то время было однообразно. В. Чернов в своем дневнике отмечает: «Ужин. Ребята ворчат, ругают повара за уже порядком надоевшую «блондинку», пшеничную кашу, хотя и сдобренную консервами». Офицер службы тыла Н. Куренков пишет в своем дневнике: «В полку во время боев алкоголь не употреблялся. Это стало традицией. На переформировании перед обедом наркомовскую норму употребляли, хотя хозяйственная часть водку не выдавала. Пьянок не было, но спирт «помаленьку» пили. 17–18 января 1942 г.: Идем вперед по бездорожью, затруднен подвоз хлеба, продуктов. Нет кормов для лошадей, бойцы вот уже два дня питаются кониной. У меня с собой была постоянно фляга – неприкосновенный запас. Фляга эта часто вызывала зависть людей не осведомленных» [6, д. 426, л. 211]. «Питаемся очень хорошо. Аккуратно получаем сахар, табак, спички, бумагу курительную, водку» (письмо К. Балахонцева бабушке, 15 января 1943 г.) [7, с. 25]. Когда оказывались в окружении, с питанием возникали проблемы. Фронтовой поэт Юлия Друнина об этом писала так: «Из окружения в пургу / Мы шли из Беларуси. / Сухарь в растопленном снегу, / Конечно, очень вкусен. / Но если только сухари / Дают пять дней подряд. / То это, что не говори... / – Эй, шире шаг, солдат! / Какой январь! / Как ветер лих! / Как мал сухарь, / Что на двоих! / Семнадцать суток шли мы так, / И не отстала ни на шаг / Я от ребят / А если падала без сил, / Ты поднимал и говорил: Эх ты, солдат!» [2, с. 33]. «Кормили нас хорошо, 2 раза в день. Рано утром, когда еще темно и поздно вечером. Давали суп, кашу, чай и кусочек хлеба. Но были моменты, когда тылы отставали, вот тогда нам приходилось туговато [3]. «Кормят нас сейчас очень хорошо, правда, немного однообразно: гороховый суп, свежий борщ, картофельное пюре, рисовая каша, но в усиленных порциях. Скушал котелок, можно идти за другим. На это пока не обижаемся. Но этот отдых мы заслужили» (письмо К. Г. Балахонова от 9 августа 1943 г. [7, с. 32].

Солдат Е. Савинов вспоминает: «За столом разговорились о суровых днях 1942–го военного года. Когда-то в глухие осенние дни мы жили здесь, утопая по пояс в болотной воде, отрезанные от путей снабжения, получавшие

в день по ржаному сухарю. Бывший связист, а ныне подполковник в отставке А. А. Акопян вспомнил, как страдали тогда все – от солдата до генерала – из-за отсутствия самой обыкновенной соли. Пресный гороховый суп не лез в рот» [6, д. 425, л. 42].

Часто на войне человек недосыпает, недоедает, живет в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, по несколько месяцев не ходит в баню, поэтому многие завшивели. По словам одного из фронтовиков, «вшей не стало только в 1945 г.». И чтобы от них избавиться солдаты разводили костер и варили одежду или окунали одежду в бензин. Но они появлялись снова и снова, так как санитарно-гигиенические условия оставляли желать лучшего. «Когда заводилось много вшей, нас выводили в полевые бани. Полевые бани – это большая палатка и машина, которая греет воду и обжаривает все наше обмундирование. Там было 3 крана, заходили по 3 человека. На троих давали 20 минут, чтобы помыться» [3]. «12 июня мылись в местной бане. Баня чистая, горячая, с паром и вениками. Парная – огонь! Сменили белье» (из письма К. Балахонова 15 июня 1942 г. [7, с. 14].

Как свидетельствуют многие воспоминания, дневники и интервью, воспоминания о доме и семье, о довоенной жизни составляли лучшую часть бесед во время отдыха и затишья на фронте. Они наполняли смыслом само бытие солдата на войне, поскольку делали бои, стрельбу во врагов и даже саму смерть не бессмысленной мясорубкой, а только средством защиты нормальной невоенной жизни. «Кровавый бой», по выражению А. Твардовского, действительно шел «ради жизни на земле».

Боец Е. Савинов вспоминает: «Нечастые спокойные фронтовые вечера, когда мы собирались вместе у костра и пели. Пели подолгу, забывая о войне. У песен тоже была своя судьба. Они приходили с фронта нашим родным, словно боевые сводки. Если солдаты пели грустные – значит не очень-то весело шли фронтовые дела, Если же в песнях звучали мажорные мотивы – значит весел и бодр солдат. Но песню о синем платочке пели всегда» [6, д. 426, л. 227].

Из дневника В. Чернова, командира танкового экипажа: «13 ноября 1943 г. Время после ужина, когда всяк занимается своим делом: пишут письма, меняют подворотнички, играют в шашки и ... даже в подкидного дурака, что, естественно, начальство не поощряет, травят байки, вспоминают своих погибших товарищей. Этим занята одна половина, другая – «отрабатывают сон начистоту. На миг становится тихо, и кто-то со вкусом засопел, а потом громче и громче: с присвистом и хрюканьем». «В вагонах своя жизнь. Поют солдаты свои тревожно-ласковые, задумчивые, немного грустные песни. Читают письма (в который раз!) из дому: от матерей и жен, детей и знакомых. Теплеет от этих песен душа солдата... Олег Гандурин с Иваном Романченко играют в шашки, решают застарелую задачу: кто сильнее» [8, с. 197, 228].

Таким образом, фронтовая повседневность у каждого участника войны была своя и зависела от многих факторов, она влияла на психологию солдата, на его самочувствие.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Хисамутдинова, Р. Р.* Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие к лекционному курсу / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : ОГПУ, 2015. – 248 с.
2. *Друнина, Ю.* За минуту до боя / Ю. Друнина. – М. : АСТ Астрель, 2012. – 352 с.
3. Архив Р. Р. Хисамутдиновой. Интервью с участником войны И. В. Петровым взято 11 мая 2011 г., Кваркенский район, Оренбургская область.
4. *Смирнов, В. В.* Пишу тебе с фронта / В. В. Смирнов. – Киров, 1990.
5. Архив Р. Р. Хисамутдиновой. Интервью взято 22 октября 2010 г. в г. Оренбурге у Буяновской Антонины Григорьевны, участницы Великой Отечественной войны.
6. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). – Ф. 6002. Оп. 1.
7. «Тебе эти строки пишу я...»: сб. фронтовых писем (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). – Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2015. – 161 с.
8. Валентин Чернов. Дорогами суровыми войны / В. Чернов. – Оренбург, 2009.

## Н. А. Шиманская

### УЧАСТИЕ СПЕЦГРУПП ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Органы государственной безопасности приняли активное участие в организации и развитии партизанского движения на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

В течение лета 1941 г. из числа оперативного состава НКГБ–НКВД было сформировано 15 партизанских отрядов с количеством участников 758 человек, направленных в тыл немецких войск для проведения боевой и диверсионно-разведывательной деятельности. Их основу составили сотрудники республиканских НКГБ, НКВД и курсанты Могилёвской межкраевой школы НКГБ. Отряды направлялись главным образом в районы наиболее важных коммуникаций противника и сосредоточения его живой силы, техники, баз и складов (см. табл. 1) [1, л. 5, 6, 244, 245; 2; 3, с. 131].